

⁵⁶ Первой жертвой отмеченного процесса стали наименее защищенные малочисленные народности Севера, незавидная участь которых со всей очевидностью свидетельствует о том, чем оборачивалось строительство «новой исторической общности» для нерусских народов страны. См., например: *Вахтин Н.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993.

⁵⁷ См., например: *Замалева А.Ф., Осипов И.Д.* Русская политология: обзор основных направлений. СПб., 1994. С. 189–195.

⁵⁸ *Степун Ф.А.* Евразийский временник. 1923. Кн. 3 // *Современные записки.* 1924. Т. 21. С. 404; *Бердяев Н.А.* Евразийцы // *Путь.* Париж. 1925. № 1. С. 134; *Гессен С.И.* Евразийство // *Современные записки.* 1925. Т. 25. С. 499; *З.К. Бредовики* // *Дни.* 22 декабря 1926; *Руднев В.В.* Евразийство // *Современные записки.* 1927. Т. 30. С. 586–587; *Д.М. П.Н. Милуков* в Праге // *Последние новости.* 21 января 1927; *Интеллигенция по-евразийски* // *Последние новости,* 24 января 1927; *Фашистская «демотия»* // Там же. 17 февраля 1927; *Гурвич Г.Д.* Желтый маскарад (политическая доктрина евразийства) // Там же. 29 марта 1927; *И.П.В.* Евразийцы и фашизм // Там же. 19 апреля 1928; Ср. также: *Изгоев А.С.* Рожденное в революционной смуте (1917–1932). Париж, 1933. С. 13. О том, как тоталитарная идеология органично вытекает из философии евразийцев, в частности Н.С. Трубецкого, пишет современный швейцарский исследователь П. Серьо. См., *Seriot P. N.* Trubetzky, linguiste ou historiosophe des totalites organiques? // *N.S. Troubetzkoy. L'Europe et l'humanite.* Liege, 1996. P. 12–31.

⁵⁹ *Бердяев Н.А.* Утопический этатизм евразийцев // *Путь.* 1927. № 8. С. 142.

⁶⁰ *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 123–124, 228.

⁶¹ Там же. С. 248.

⁶² *Кара-Мурза С.* Народ через призму фашизма // *Правда.* 4 июня 1996.

⁶³ *Кара-Мурза С.* Великодержавный интернационализм // *Правда-5.* 24–31 мая 1996. С. 13.

V. A. Shnirelman. Eurasianism and the nationalities question (instead of the reply to V.V. Karlov)

The author returns to the analysis of the ideas of Eurasianists (see «EO». 1997, № 1). He pays a particular attention to the nationalities aspect of their speculations, because this issue may not be wellknown to the readers. The specifics of Eurasianism, as the author believes, consist in that it was a national-political programme, based on the doctrine of «führerism» and characterized by anti-democratism.

© 1997 г., ЭО, № 2

В.В. Карлов

О ЕВРАЗИЙСТВЕ, НАЦИОНАЛИЗМЕ И ПРИЕМАХ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ

Полемизировать с автором опубликованного текста* довольно затруднительно по причине почти полного отсутствия в нем предмета спора. Он оказался подменен чем-то иным. Чтобы объяснить свою позицию, вынужден начать с короткого напоминания сути своей статьи. Статья была вызвана моим несогласием с интерпретацией коллегой В.А. Шнирельманом теории культуры евразийцев как якобы идейного обоснования ими доктрины русского национализма. Чтобы разобраться в этом вопросе с позиций этнологической науки, которая, как и другие обществоведческие дисциплины, к сожалению, не часто обращается к сюжетам, связанным с изучением разных форм национальной рефлексии, мною была предложена определенная схема подхода к данным проблемам.

Я считаю целесообразным развести научную теорию и идеологическую доктрину как разные по своим функциям формы рефлексии. Далее, определив евразийскую

* См. статью В.А. Шнирельмана в этом номере журнала.

доктрину как доктрину идеологическую, т.е. относящуюся к тому же классу явлений, что и национализм, я высказал свои соображения о существенных и принципиальных отличиях евразийства от национализма. Главное отличие, на мой взгляд, в том, что евразийство, будучи доктриной идеологической, есть идея не национальная (несмотря на то, что ее авторы сами именовали себя националистами, смысл слова «нация» был у них, очевидно, этатистским), а государственная.

Применительно к населению таких стран, как Россия и СССР, такая доктрина не может не иметь отличий от идеи национальной. Вольно или невольно она обязана быть представленной как интернациональная. Чтобы показать, что это так, я сослался на соответствующие положения одной из программных статей Н.С. Трубецкого.

Какие же возражения привел мой оппонент? Он попытался «развеять недоразумение» относительно якобы моей попытки «отлучить культурологические построения евразийцев от науки». Согласившись со мной в том, что евразийство – идеология, он считает, что «отлучать» евразийцев от науки не следует, так как их идеология «претендовала на научное обоснование», а сами они были талантливыми учеными. Но я не предлагал никого ни от чего отлучать. Я предлагал другое.

Если научную теорию оценивают критериями истинности (или степенью вклада в постижение истины), то идеологию – по параметрам адекватности задачам и интересам общества, на которое она рассчитана. Это если подходить к вопросу с точки зрения науки, т.е. по возможности избегая аксиологических оценок. У нас, к слову, уже была одна «научная» идеология – марксистская, объявлявшая себя единственно верной по причине «научности» (в этом заключалась одна из причин кризиса марксистской идеологии и несомненного вреда, который она нанесла марксизму как научной теории, а также обществу, особенно когда в качестве идеологии она перестала быть адекватной интересам социума). Несмотря на это, думающие люди и за рубежом, и, кажется, теперь у нас не ставят знак равенства между марксизмом как научной теорией и как политико-идеологической догмой и не рассматривают их в качестве чего-то единого.

Развести для ясности идеологию евразийства и научные труды евразийцев предложил и я. Однако из этого вовсе не следует, коллега Шнирельман, что я не ценю исторических трудов Вернадского, географических – Савицкого, лингвистических – Трубецкого, философских – Карсавина. Хотя могу повторить, что применительно к культурологии (как специальной дисциплине со **своими** предметом и методологией) многие их мысли были еще на преднаучной стадии. Что касается полемики с евразийцами их ученых оппонентов (Бердяев, Кизеветтер и др.), то предметом полемики, совершенно очевидно, была не культурологическая теория, а именно гражданская и политическая позиция, несмотря на то что выражали ее ученые.

Это единственное положение в моей статье, на которое мой коллега и оппонент считает возможным хоть как-то отреагировать. По существу же он не привел никаких возражений по поводу различий критериев оценки научной теории и идеологической доктрины. Другую же группу вопросов, обозначенных мною, – о том, что идеологии национальная и националистическая, с одной стороны, и государственная – с другой, – явления все же разные и смешивать их не следует, Шнирельман не счел нужным не только обсуждать, но даже заметить. А ведь основной смысл моей статьи и сводился к призыву к научному сообществу обсудить целую гамму нюансов национально-этнической рефлексии, с точки зрения этнологии как специализированной формы таковой рефлексии.

Подобное обсуждение, на мой взгляд, давно назрело, и статья Шнирельмана оказалась мне удачным поводом для этого. Увы, все мои доводы не более чем «позабавили» коллегу. Причем забавы пришлись ему настолько по вкусу, что он решил их продолжить, написав «вместо ответа Карлову» (очень точный по смыслу подзаголовок его текста) сочинение на грани оскорблений в адрес оппонента.

Довод, приведенный коллегой, для того чтобы все не обращать внимания на суть моих возражений, надо сказать, «убийственный»: зачем спорить с человеком, знаю-

цим взгляды евразийцев по одной, «пусты и программной», публикации Трубецкого? В мои задачи, однако, вовсе не входило (и не входит) соревноваться с коллегой Шнирельманом в знании евразийских текстов. Со спокойной душой отдаю ему приоритет, хотя я, разумеется, мог бы, аргументируя свою позицию, привести для ее подкрепления много больше ссылок на работы евразийцев. Думаю, что мой оппонент это хорошо понимает.

Положения статьи Трубецкого мне понадобились лишь для доказательства того факта, что идеология евразийства была не столько национальной, сколько государственной. И меня искренне удивило, что автор, берущийся доказывать националистичность этой доктрины, просто игнорирует положения, не вписывающиеся в его интерпретацию. Программные статьи ведь и пишутся для разъяснения программных целей движения и его доктрины. Я имел все основания ограничиться лишь одной, но программной работой евразийцев. Мой же оппонент, имевший целью дать идеологическую характеристику евразийской идеи, просто обязан был проанализировать основные **программные** положения евразийства. Он не новичок в науке и отлично знает, как в научной практике называется прием подобного игнорирования.

Тем более странно, что, трактуя евразийскую доктрину как националистическую идею, Шнирельман обошел молчанием не только статью Трубецкого, но и программное заявление «Евразийство» от 1927 г., где раздел V полностью посвящен национальному вопросу. Не потому ли, что все написанное в данном разделе полностью противоречит тезису о евразийстве как о доктрине **русского** национализма, какой бы оттенок ни придавать понятию «национализм» – культурный или государственный?

Думаю, истинные русские националисты скорее нашли бы основания обвинять евразийцев в сознательном стремлении утилитарного использования русской национальной культуры для пользы других народов государства, ибо последние предлагали как бы растворить ее в других и сделать базой наднациональной евразийской культуры (раздел V, п. 5 «Евразийства»)¹. В любом случае объяснить, как этот раздел согласуется с тезисом «евразийство – обоснование русского национализма», весьма затруднительно.

Продолжая разговор о различиях идей национальной и государственной, позволю себе привести один очевидный пример. Всем известно объединяющее граждан США чувство национальной гордости (в эвфемистском, разумеется, понимании слова «национальной»), которым охвачено, особенно в определенных моменты, все американское общество – от последнего божма до президента независимо от национальности. Это чувство усиленно культивируется средствами массовой информации и в кризисные моменты принимает форму массовой истерии. Чувству национальной гордости подвержены представители всех общин США – англо-американцы, негры, немцы, финны, евреи, пуэрториканцы и др. При этом никому не приходит в голову объявлять данный феномен англо-американским национализмом, хотя вполне очевидно, что в недрах функционирования такой идеологии – англо-американская культурная основа, англо-американский язык и выработанные на их базе общенациональные ценности.

К подобной типично государственной и выраженно общегосударственной идеологии стремились и евразийцы. Оснований называть их русскими националистами, на мой взгляд, ничуть не больше, чем в случае с государственной идеологией США. И если коллега Шнирельман делает для них такое исключение, то следовало хотя бы объяснить, почему **в этом случае** между идеологиями государственной и национальной поставлен знак равенства, который по всем законам логики и здравого смысла здесь стоять не должен. Думается, евразийская теория культуры здесь все же ни при чем.

Что касается многочисленных и по большей части несправедливых упреков в мой адрес, высказанных оппонентом в откровенно оскорбительной форме, то у меня поначалу не было особого желания отвечать на них. Я не любитель забав такого рода и не считаю страницы серьезного научного журнала подходящим местом для них. Но коль скоро замечания выдвинуты, я вынужден ответить. Тем более что часть упреков

вызвана либо непониманием моей научной позиции (а возможно, нежеланием ее понять), либо намеренным ее искажением. Есть и просто беспочвенные обвинения.

Надеюсь, читатели сами разберутся, имеются ли основания упрекать меня в некоем «менторстве». Что касается «партийно-советского духа», да еще по мифической «указке свыше» (откуда именно, коллега?), то этот пассаж и вовсе напоминает приснопамятные времена, когда с оппонентом не спорили при помощи научных аргументов. Достаточно было навесить на автора ярлык «антимарксист» или «антисоветчик». Времена изменились, изменился и «дух» развешиваемых ярлыков, но методы остались те же.

Хотелось бы обратить внимание на своеобразную амбивалентность отношения коллеги Шнирельмана к своему оппоненту. Сначала он снисходительно разрешает мне «разделять любые представления» как «гражданину современного демократического общества», но затем ставит право высказывать свое мнение в зависимость от того, «числятся» или «нечислятся» за оппонентом выдающиеся заслуги. Таким образом, коллега предлагает сперва, фигурально говоря, «померяться носами», а потом, исходя из результата, он решит: высказываться мне или нет и стоит ли ко мне прислушиваться. Это, конечно, его право.

Чтобы не быть снова обвиненным в менторстве, скажу лишь, что в моей немалой практике общения с коллегами как в Московском университете, так и в Академии наук это первый случай, когда мое право высказывать мнение ставится в зависимость не от сути дела, а от титулов и заслуг. Хотя среди тех, с кем мне приходилось дискутировать, было много людей, до которых мой нос, вероятно, никогда не дорастет.

Коллега Шнирельман напрасно пытается приписать мне высказанное как бы между прочим мнение «об удручающем состоянии современной мировой культурологии» (это – его слова). Я такого мнения не высказывал и не разделяю его. Фразу о неясности до сих пор предмета и статуса культурологии я действительно бросил, стремясь показать, что во времена евразийцев сформировавшейся культурологической теории еще не было, а имелся набор, хотя и разнообразный, вполне плодотворных идей и методик. Сегодня, когда многие давно сформировавшиеся общественные науки испытывают очевидный гносеологический кризис, у культурологии как относительно молодой науки оказалось значительно больше нерешенных проблем онтологического и эпистемологического характера. Этот факт признан и настолько очевиден, что его даже странно обсуждать. Ничего большего, умаляющего достоинства мировой культурологии, я не говорил и не имел в виду. Так что причин обижаться на меня «за всю мировую культурологию» я не вижу.

В своем тексте коллега неоднократно прозрачно намекает на «странную близость» моей позиции идеологическим доктринам евразийства, коммунизма, русского либерализма и даже «современного русского национализма». Со всей откровенностью могу сказать: ничего «странного» во всем этом нет. И совсем не потому, что я обязательно должен разделять данные идеологии. Если бы Шнирельман озаботился вникнуть в суть моей позиции, он едва ли нашел бы странной подобную близость. Действительное объяснение ее очень далеко от каких-либо националистических «измов», которые коллега приписывает мне как потенциальному носителю указанных идеологий (хотя понять, как в одном лице можно совместить столь различные идеологии, – невозможно).

Я считаю, что идеология оценивается критерием адекватности интересам общества, и соответственно государственная идеология – интересами государства, его населения. Здесь не место спорить об оценке степени адекватности всех перечисленных выше доктрин интересам общества в целом. Но у меня нет сомнений в том, что сохранение целостности полиэтничного государства отвечало интересам и потребностям существования и воспроизводства его этносов, т.е. было в данной конкретной части этим интересам **адекватно**. Об остальных аспектах этих идеологий я не говорю.

С целью показать адекватность евразийских понятий о целостности народов и культур России я и предпринял свой краткий экскурс в этнокультурную историю Евразии.

Подобных взглядов придерживаюсь не только я. Не кто иной, как Н.А. Бердяев в 1937 г. написал следующее: «Идеологически я отношусь отрицательно к советской власти... Но в данную минуту это единственная власть, выполняющая хоть как-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей. Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляло бы даже опасность для России и грозило бы анархией». Надо полагать, что сознательный противник советского строя написал это не под диктовку НКВД.

Он понимал частичную адекватность тому конкретному моменту даже советской идеологии. Чего не поняли диссиденты 1980-х годов с их запоздалым признанием: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». И чего не хочет понимать, по-видимому, мой оппонент. Дело здесь не в идеологической позиции, а в адекватности идеологии, частичной или полной, историческому развитию. Я достаточно ясно выразил свое отношение к этому, написав, что коммунистическая идеология как государственная идеология себя исчерпала и что интерес современного общества к евразийству можно объяснить насущной потребностью общества в выработке новой государственной (а не национальной и националистической) идеологии – теперь уже хотя бы для России.

Упрекает меня коллега и за то, что я, разделяя некоторые государственно-идеологические позиции евразийства (скажу о себе точнее – считая их частично адекватными потребностям воспроизводства этносов бывшего СССР), обхожу молчанием вопрос о причине распада СССР, хотя одной из причин этого, как он пишет, был крах евразийской модели государства под маской коммунизма.

Данный тезис включает несколько самостоятельных вопросов. Во-первых, распад СССР и его причины – не тема моего выступления, тем более что в последнее время появились достаточно фундаментальные исследования этнополитологического характера² и нет нужды поднимать эту тему походя. Во-вторых, ни распад СССР, ни идеологемы, которые использовались в ходе этого процесса, не были **адекватны** интересам народов (а не правящих элит), и никто пока не доказал обратного, несмотря на усиленное культивирование в публицистике тезиса об СССР как империи и о несомненном благе распада. Впрочем, если коллега Шнирельман докажет, что условия жизни и перспективы воспроизводства какого-либо народа (а не его правящей элиты) бывшего СССР стали лучше, чем были, я буду готов пересмотреть свои взгляды. В-третьих, утверждение моего оппонента о том, что в СССР в последние десятилетия «под маской коммунизма внедрялась евразийская идеология», декларативно и бездоказательно (замечу в скобках, что Шнирельман призывает меня к научной аргументации и доказательности по куда менее серьезному поводу, а для себя такое правило не считает обязательным). В СССР внедрялась не евразийская, а коммунистическая идеология под своей собственной маской, поэтому идеологические провалы государственной доктрины в СССР следует искать в слабости и догматичности коммунистических идеологов, а не в евразийстве.

Коллега Шнирельман приписывает мне некий «розовый оптимизм» относительно высказанных мною соображений о культурно-историческом единстве Евразии. При этом он предостерегает от «розовых очков» моих читателей и советует мне ознакомиться с тем, что пишут в новых самостоятельных государствах авторы разных национальностей о евразийской общности. Проясню свою позицию и по этому вопросу.

Не стану лукавить: о глубоких корнях культурно-исторических связей народов Евразии, не говоря уже о жесткой функциональной необходимости их тесных отношений независимо от политических форм, я пишу не без некоторого удовольствия. В том числе и потому, что моему сознанию и чувствам близки и симпатичны благородные идеи побратимства, «названного братства». Они были рождены в древние эпохи в азово-причерноморско-предкавказском котле этногонических процессов в индоевропейской, по-видимому, среде и с открытой душой восприняты многими нашими кавказскими и «туранскими» братьями.

От оптимизма по поводу нынешних перспектив евразийской общности я далек и прекрасно понимаю, что от этого необходимого (и во многом, хотя и не во всем, достаточного) условия функционирования и полноценного воспроизводства этносов Евразии и их культур мы сегодня, быть может, дальше, чем когда-либо в нашей истории. Говоря о нерусских авторах, до сих пор с пониманием относящихся к идеям евразийской цивилизационной общности, я имел в виду не идеологов, которые обслуживают нынешние режимы (с их сочинениями я знаком, а имя им легион).

В таких идеологах правители никогда не испытывали недостатка, и именно они профессионально помогают превращать человеческое общество, по меткому определению известного публициста, «в форму для коллективного господства правящей банды над остальным обществом». Я имел в виду людей, которые действительно озабочены достижением достойных условий для жизни и воспроизводства собственных народов. А их не так уж мало. И несмотря на очевидную разницу между пониманием проблемы, скажем, у Н. Назарбаева и А. Проханова, даже в их позициях есть общее – ощущение жизненной необходимости евразийского единения. Об этом отчасти говорит хотя бы такой факт, что газета А. Проханова, кажется, единственная. опубликовала полностью текст выступления Н. Назарбаева в РАН, посвященного евразийскому союзу.

Не вполне доказательной представляется мне и интерпретация Шнирельманом тезисов Трубецкого о «высоких» и «низких» культурах народов России. Он склонен трактовать их как принижение культур нерусских народов. Трубецкой как исследователь одним из первых обратил внимание на некоторую самодовлеющую ценность «профессионального» и «традиционного», «урбанистического» и «сельского» вариантов культуры. Однако под процессами функционирования «высоких» и «низких» культур он разумел, по-видимому, скорее всего именно объективные условия и факторы их профессионализации и последующее соотношение профессионализированных форм с традиционными. (Замечу, что его взгляды на эту динамику и взаимосвязь я не во всем разделяю.)

То, что в профессионализации культуры России эпохи Петра I активно участвовали профессионалы с Украины, из Белоруссии, из зарубежных государств, – факт достаточно очевидный. Как очевиден и тот факт, что так называемый импорт мозгов характерен не столько «для любой империи» (как считает Шнирельман), сколько для процесса секуляризации и профессионализации любых национальных культур (если они не стремятся к сознательной изоляции, как когда-то было, скажем, в Японии и Китае). Националистически настроенные авторы сознательно игнорируют этапные особенности развития культуры (всегда проще или выгоднее указать на конкретного врага, «обокравшего» твою культуру, чем найти объективное объяснение феномену). Таких авторов можно понять. Труднее найти объяснения, когда на подобные позиции становятся или с ними солидаризируется образованный и эрудированный культуролог.

Странно выглядит вывод Шнирельмана о том, что последовательное претворение в жизнь евразийской теории культуры могло «в **отдаленной** (выделено мною. – В.К.) перспективе привести к русификации и обращению в православие всех нерусских народов страны». Далее идет ссылка на критику позиции евразийцев со стороны П.М. Бицилли.

Во-первых, Шнирельман осуждает тут уже не идеологию евразийства, а теорию культуры евразийцев (точнее, собственную ее интерпретацию) за то, что могло бы быть, если бы она была последовательно осуществлена. Последовательное осуществление теории – это уже политика, которая никогда и никем не проводилась (хотя бы пока), и упрек не вполне корректен.

Во-вторых, Шнирельман забыл сообщить, за что конкретно критиковал Бицилли своих бывших единомышленников. А парадокс как раз в том, что Бицилли полностью солидарен с воззрениями своих оппонентов на культуру Евразии даже в наиболее сомнительных и, с моей точки зрения, несколько уязвимых их положениях («примат Руси как носительницы высшей, христианской культуры и гражданственности в

Евразии, не вызывает никаких возражений, тем более что... соответствует и несомненно при *любой* организации евразийской Империи *будет* соответствовать действительному положению вещей»³). Не согласен он только с одним существенным положением Программы евразийства – тезисом о необходимости *лишь одной* – православной – политической партии, в чем он усмотрел, и справедливо, опасность тоталитаризма.

Так что евразийская теория культуры, опять же, здесь как бы ни при чем, а важна только **политическая** линия евразийцев с опорой на православие (хотя при этом Программа твердо стояла на позициях не только признания, но и сохранения всех иных вероисповеданий).

Вообще удивляет употребление моим оппонентом большого числа бездоказательных, как бы само собой разумеющихся декларативных тезисов (прием, опять-таки, не науки, а публицистики и идеологии), таких, например, как «результаты евразийского (?) решения "национального вопроса"» (да простит автора дух «Отца народов» за обвинение в плагиате!), «искусственное строительство синтетической общесоветской культуры» (хотя, как уже говорилось, есть совершенно объективный процесс профессионализации и специализации национальных культур, который не мог приобретать в единой державе неких общих очертаний). Или, к примеру, заявление, что в результате противоборства этого синтетического новообразования с национальными культурами «страна не выдержала культурного перенапряжения, и это было одной из причин краха советского режима». Это и другие заявления представляют собой, скорее, идеологические стереотипы, а отнюдь не научные факты, и, следовательно, публиковать их лучше не в научном журнале.

А чего стоит аргумент автора (якобы неопровержимо свидетельствующий о тоталитаристских наклонностях евразийцев) относительно того, что сторонники евразийства воспевали Московскую Русь и противопоставляли ее петровской и постпетровской эпохам?! Он что же, не знает, что первыми, кто противопоставлял эти эпохи, были славянофилы, т.е. русские либералы, которые видели в Московской Руси Земских Соборов – сословно-представительных высших органов власти – противовес тоталитарно-абсолютистским порядкам петровской и послепетровской России?

В статье много других достаточно сомнительных, с точки зрения интерпретации евразийства как «националистической» доктрины, положений, которые автору кажутся убедительными. Останавливаться на таких цитатах из текстов евразийцев нет смысла, потому что ни одна из них не доказывает националистичности их авторов (можно говорить о другом – об имперских взглядах, о великодержавности и т.д.). Но поскольку коллега ушел от главного в данном случае вопроса об отличии государственной идеи от идеи национальной, продолжать бесплодные споры нецелесообразно.

Я, конечно, с полным пониманием и одобрением отношусь к задаче «суммировать взгляды евразийцев и сформулировать непротиворечивую характеристику их идеологии». Понимаю и возникающие при этом трудности исследователя данного противоречивейшего по своей сути течения общественной мысли. Тем не менее я не смогу понять того, что достичь поставленной цели возможно методами не суммирования, а вычитания тех положений евразийства, которые мешают дать непротиворечивую его характеристику.

Среди «творческих методов» Шнирельмана есть и другие довольно странные приемы, когда он цитирует одну часть чьего-либо высказывания, досказывая другую за автора как бы своими словами, меняющими авторскую позицию порой до неузнаваемости. Такими методами он пользуется в отношении как евразийцев, так и их идейных оппонентов: приведенный мною эпизод со ссылкой на статью Бицалли в этом смысле показателен. В полной мере испытал эти приемы и на себе, будучи интерпретирован Шнирельманом весьма специфически. Уже не говорю о щедро высыпанном на мою голову граде аргументов *ad hominem*, на которые бессмысленно и глупо даже отвечать. Разумеется, легко догадаться, для чего это делается: предста-

вить оппонента недоумком и невеждой гораздо проще, чем вести аргументированный спор по существу обсуждаемых вопросов, тем более, когда доказать правоту своей позиции довольно трудно.

Не чужды «научной лаборатории» моего оппонента методы и совсем уже небезобидные. Он упорно тщится приписать мне некую одиозную идеологическую позицию, просто «не замечая», что я никакой идеологической позиции не занимаю уже по сути своего подхода к предмету. В своих стараниях он доходит до того, что «изящно» вычленяет из моих сносок соответствующие издания и авторов, на которых навешивает идеологические ярлыки, полностью игнорируя смысл процитированных мною текстов или терминов и как бы перенося свои ярлыки и на меня.

Должен заметить, что с подобными приемами «научной полемики» почтенный академический сотрудник опоздал ровно на 60 лет: тогда это было более чем эффективно, да и спорить было бы уже не с кем и незачем.

Может быть, таким оригинальным способом Шнирельман решил отметить печально известную годовщину? Во всяком случае, само стремление перенести спор из чисто научной плоскости в идеологическую симптоматично. Меня это только лишний раз убеждает в своевременности **научной** постановки затронутых проблем изучения форм национальной рефлексии. Для меня же все упомянутые идеологии – лишь предмет анализа, объективно существующий феномен общественного сознания, который следует изучать *sine ira et studio*, как факт национального бытия. Потому попытки отождествить мою позицию с какой-либо идеологией смехотворны. И сетования о «бедных студентах» как-то неуместны. Студенты сейчас достаточно грамотны и сообразительны, чтобы самим разобраться, что к чему и кто есть кто. Думаю, что и наглядный урок, преподанный Шнирельманом на тему «Как нельзя вести научные споры», они усвоят.

Если бы мне понадобилось обозначить свою идейную или гражданскую позицию, я обратился бы не в научный журнал, а в какое-либо другое издание. Идеологизированность же позиции Шнирельмана, как и его попытки придать разногласиям идеологический оттенок, свидетельствуют либо об отсутствии у автора профессионального подхода к предмету, либо о каких-то иных, не научно-исследовательских, целях его выступления.

В чем-то, однако, и эта публикация коллеги Шнирельмана, полагаю, полезна, за что можно поблагодарить как его, так и два фонда, без участия которых подготовка его трудов была бы невозможна (хотя надеюсь при этом, что оскорбительные выпады в мой адрес появились на свет независимо от обих почтенных организаций).

Примечания

¹Евразийство (формулировка 1927 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 224.

²См., например: *Чешико С.В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996.

³*Биццали П.М.* Два лика евразийства // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. С. 287.

V.V. Karlov. About Eurasianism, Nationalism and a manner of scientific discussion

This is a response to the article by V.A. Shnirelman («ЕО». 1997, № 2) devoted to the problems of Eurasianism. The author does not agree with V.A. Shnirelman that Eurasianism was a doctrine of Russian ethnic nationalism. V.V. Karlov believes that the only purpose of this concept was preservation and strengthening Russia and the Soviet Union as a polyethnic state. In other words, it was an ideology of statehood and not an ideology of ethnonationalism.